

будет полезен и при подготовке словацкого исторического словаря тезаурусного типа. Кроме того, ИССЯ имеет и более широкое историко-культурное значение. Обработанная в нем лексика, отражающая определенные этапы развития материальной и духовной культуры словацкого народа, представляет большую ценность не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, культурологов, литературоведов, социологов и др. Нельзя не отметить также общий высокий технический и полиграфический уровень издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Slovenský historický slovník z predspisovného obdobia. Uzážkový zošit / Vedecký redaktor St. Peciar. Bratislava, 1973, 356 s.

² См.: Смирнов Л.Н. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989, 245–255.

³ Подробнее об этом см.: Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, 88–93.

Л.Н. Смирнов

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 5/6, 7/8 (unter Mitarbeit von A. Höning). Heidelberg, 1989: Carl Winter Universitätsverlag. S. 197–514.

Организация материала в 5/6 и 7/8 выпусках "Словаря сравнительной ономасиологии", как и в предшествующих, весьма строго выдержана в духе принципов, описанных основателем и издателем словаря, Й. Шрепфером. Поскольку об этих принципах, а также целях и задачах ССО нам уже приходилось говорить¹, мы остановимся ниже, главным образом, на конкретном содержании очередных выпусков, высказав предварительно некоторые соображения общего характера.

Завершив в 5/6 выпусках публикацию материалов серии А (*Ausgabe A*) по теме 'числительные', ССО, "по выраженной его многочисленными пользователями просьбе" (S. 252), начиная с темы 'время', стал вводить в раздел "Allgemeines" больший объем информации, предназначенней преимущественно для публикуемой во вторую очередь серии В (*Ausgabe B*) и касающейся происхождения и первоначальной семантики привлекаемого ономасиологического материала ("Kommentarteil" и "Motivationsteil"). Этим отчасти устраняется отрыв "общего" от "комментирующего", но затрудняется выполнение "общим" разделом его специфических функций, одна из которых заключается в соотнесении ономасиологических и иных языковых данных с широким историко-культурным фоном, ср. предпринимаемые ССО экскурсы в область истории общества, литературы, науки. Заметим, что здесь, вероятно, были бы уместны и данные мифологии и фольклора, к которым ССО обращается очень редко. Те историко-культурные данные, которые словарь привлекает, дают для описания "истории идей" (К.Д. Бак) относительно немного и выглядят скорее некими отступлениями, перемежающими информацию этимологического порядка. Последняя, в свою очередь, заслуживает упрека в некотором однообразии, что во многом объясняется или отсутствием аргументации или ее несколько односторонним, сугубо семантико-типологическим характером. В некоторых случаях (см., например, в статье 'время', S. 255–283) аккумуляция этимологических справок достигает такого предела, когда "центривающая" материал пространственно-временная перспектива теряется из виду. Впрочем, некоторая диффузность ее обрисовки может считаться общим недостатком разделов "Allgemeines". Так, материалы по теме 'числительные', касающиеся систем счета и связанных с отдельными числами древних мифopoэтических ассоциаций, не дают о них достаточно последовательного представления. Между тем, для решения этой задачи, ССО, как и в ряде других случаев, было бы достаточно шире использовать уже существующую литературу, например, раздел о числительных в недавней монографии об индоевропейцах и их языке².

Рецензируемые выпуски не уменьшили уже высказывавшихся нами опасений,

касающихся этимологической базы ССО, недостатки которой могут отрицательно сказаться на выполнении этим словарем роли справочника по семантической типологии. С одной стороны, ССО находится в курсе новейших этимологических разработок (хотя есть и немало упущений), но, с другой, довольно часто пользуется этимологическими решениями, явно отстающими от уровня современной науки. Сказанное, по-видимому, частично объясняется тем, что в процессе составления словаря обширные данные "архива сравнительной семантики" (S. 195) Й. Шрепфера как бы заслоняют не-типологическую аргументацию в этимологии и реконструкции. Но и типологическое обоснование этимологических версий нередко выглядит чересчур беглым даже для "общего" раздела (ссылки на необходимость ограничения объема не всегда "проходят" хотя бы потому, что многие страницы остаются полностью или более чем наполовину свободными от текста, см. S. 216, 221–222, 226, 230, 300, 312, 325–326 и т.п.). С этим связан как бы "экспериментальный" характер ряда предложенных в ССО этимологических справок, что едва ли способствует надежности ССО как справочника по семантической типологии.

В отличие от известного словаря Бака, ограничивающегося "избранными синонимами", ССО ориентирован на "сверхзадачу" возможно более полного охвата всех обозначений того или иного понятия в каждом из привлекаемых языков. Уже указывалось (на примере древнегреческого языка), что при всей полезности такого подхода, скажем, для выявления в обследуемом культурно-языковом ареале "межъязыковых семантических влияний" и "мотивационных универсалий", он не может быть до конца осуществлен в рамках труда типа ССО, особенно с учетом принятой в словаре "неплотной" понятийной сетки, вынуждающей относить к одной и той же понятийной лемме слова с отнюдь не тождественными значениями³ (вроде 'утро' – 'заря', см. ниже). Ориентация на "сплошной" охват синонимов увеличивает вероятность того, что ономасиологический материал может содержать разного рода пропуски.

Следующие далее замечания по тексту 5–8 выпусков ССО касаются главным образом содержащихся здесь справок по индоевропейской и славянской этимологии (ср. в ССО сведения по этимологии сино-тибетских, японских, семитских и других слов, которых мы не касаемся). Эти замечания, как представляется, достаточно наглядно демонстрируют известную недооценку (недостаточную строгость) формальной стороны анализа и подачи материала. Даются также примеры ощущимых лакун в разделах, содержащих собственно ономасиологические данные – списки синонимов по языкам.

Поскольку в статье о названиях 'шести' не приводится соответствующая индоевропейская реконструкция, формальная сторона сравнения индоевропейского названия с и.-е.* *sek⁴* 'следовать' (S. 197)⁴ остается неясной. Очевидно, что, исходя из обычного **s(ü)ek's* или **s(ü)eks* (где начальное *s*- иногда объясняют влиянием **septm* 'семь') это

сравнение не может быть принято, чем обесценивается содержащийся в нем момент семантико-типологического правдоподобия, раскрытый, кстати, чересчур бегло. ССО следовало бы учесть типологически четко мотивированную гипотезу А. Неринга об и.-е. **uek's* 'шесть', собственно, 'увеличение, прирост'⁵, т.е. число, получаемое прибавлением к пяти (= 'совокупности пальцев одной руки', сп. ССО 3/4, S. 189) еще одного "счетного кванта"⁶.

Соположение и.-е. **septm* 'семь' с лат. *seelīre p* 'погребать', др.-инд. *sapareā* 'почитание, преклонение' (S. 203; почему не др.-инд. *sápati* 'почитает, совершаает обряд?'), не снабженное какими-либо доводами или библиографическими отсылками, выглядит бездоказательным. Отсутствует указание на весьма вероятную и семасиологически интересную возможность заимствования **septm* из афроазиатского источника⁷. В статье о

названиях 'восьми' (S. 207) нет отсылки к 3/4 выпуску ССО (S. 186), где и.-е **k⁴et* *etwōr(es)* 'четыре', наряду с **ok'iō(u)* 'восемь', выводится из **k⁴et* – 'кончик (пальца)', что типологически заманчиво, хотя сопряжено с трудно преодолимыми формальными трудностями. Вместе с тем, принимая для дуалиса **ok'iō(u)* правдоподобную мотивировку 'два ряда из четырех пальцев (при загнутом большом)' (S. 207), следовало бы сказать, что она, по существу, подразумевает и.-е. **ok'iō* 'четыре (пальца)' (весьма сомнительное родство с

другим названием для четырех – **k^uetqōr-* менее существенно) и поддерживается авест. *ašti* ‘ширина в четыре пальца’⁸. Полезно иметь в виду также возможность связи **ok’tō-* и картв. *otxō* ‘четыре’⁹. Для ‘девяты’ более точно и.-е. **neiṣt* или **neiṣ(e)n* (не **neiṣt*, см. S. 211).

Принимаемое для и.-е. **dek’ m̥(t)* ‘десять’ исходное значение ‘две руки’ (S. 217; индоевропейская реконструкция представлена здесь не вполне точно), предполагающее и.-е. **de- k’ m̥(t)* подтверждено лишь беглой типологической аргументацией. Целесообразно было бы упомянуть об и.-е. *de/do* в хетт. *da-iuga* ‘двуухлетний’, др.-ирл. *de-bide* ‘разделенный на два’, а также и.-е. *k’om-ti-* в гот. *handus* ‘рука’ и т.п.¹⁰ Репрезентация этимона др.-инд. *vi m̥batī-* ‘двадцать’ и проч. в виде и.-е. **dvi k’ m̥ ti* (S. 231; древнеиндийское слово передано не вполне точно) выглядит несколько небрежной. В этом случае реконструируют и.-е. **u i - k’ m̥ t - i* (resp. **u i - k m̥ t - i*), собственно, **(d)u i - (d)k’ m̥ t - i* ‘два десятка’. Сравнение и.-е. **k’ m̥ to -* ‘сто’ и **km >* лат. *cum* ‘вместе, с’ (S. 237; точнее, наверное, было бы говорить об и.-е. **k’om* или **kom* ‘то же’), при известной его оригинальности, должно быть отклонено уже в силу известного (и гораздо более очевидного) объяснения **k’ m̥ to - < *(d)k’ m̥ t - < *dek’ m̥(t)o-*, указывающего на существование у индоевропейцев децимального счета, ср. более архаичные “четверичную” и “пятичную” системы. В статье ‘тысяча’ индоевропейское название, отразившееся в германо-балто-славянском ареале, дается в виде **tūs - komtja* ‘большая сотня’ (S. 241; ср. S. 237, где говорится о и.-е. **k’ m̥t b-* с палатальным *k'*), точнее было бы говорить о **tūs - k’ m̥ t - i*¹¹. К сожалению, не упоминается типологически и формально значимая реконструкция **tūs - n̥ t - / *tūs - ant-*, причастного

образования от **tūs -*¹², ср. родственное слав. **ty-ti* и проч. Недостаточно четкости в справке об иранском происхождении венг. *ezer* ‘тысяча’ (S. 241) с упоминанием алан. ‘Аζарлов. Целесообразнее была бы прямая отсылка к осет. *ærza* (⟨æzær⟩), авест. *haraṇra-* ‘тысяча’, с которыми М. Фасмер сопоставлял аланское имя собственное¹³, тем более что иранские факты относятся к затрагиваемым в ССО рефлексам и.-е. **g’heslo-* ‘тысяча’.

Касаясь лат. *tempus*, рус. час (S. 262, 277) и других обозначений ‘времени’, ‘часа’ и т.п., ССО недостаточно или совсем не учитывает многие важные этимологические разработки соответствующего материала, в частности, труды Г. Якобсона (см. Фасмер IV, 318; ЭССЯ 4, 29–30). Здесь же хотелось бы обратить внимание ССО на словарь В.И. Абаева, отличающийся пристальным вниманием к семасиологической стороне, ср., в частности, анализ осет. *rastag* ‘время’ (Абаев II, 377–378). Умозрительна предлагаемая для прус. *kerdan* ‘время’ мотивация ‘расширение, распространение’ (S. 262). Для этой лексемы, как и для ее славянского соответствия **cerda* ‘череда (скота); пора, отрезок (времени)’ и ряда других фактов, хорошо доказана, в том числе типологическая связь с и.-е. **ker-dh-* ‘резать, членить’ (см. подробнее ЭССЯ 4, 61–62; Топоров. Прус. яз. I–K, 315–323).

Необходимо предполагать шумерское происхождение тюрк. *tāri* ‘небо; бог’ (S. 277) отпадает в силу связи этой лексемы с др.-турк. *tāñiz* ‘море’, ср. монг. *dalaï* ‘море; великий, вселенский, верховный’¹⁴.

Явно ошибочно объяснение укр. *мить* ‘миг, момент’ из **mūg - nis*, где *mūg -* понимается как параллельное образование к *mīg -* (S. 279; здесь же неправомерно привлекается лат. *mitus* ‘немой’, связанное в действительности со звукоподражательным *mū*). При этом оставляется без внимания, что слав. **mīg - < *meig-* (ср. прус. *meicte* ‘спать’ и проч.). Упускается из виду рус. в одну мыть ‘тотчас’, сопоставлявшееся М. Фасмером (II, 26) с

мыть ‘линька’. Сопоставление др.-инд. *mihūrtá* ‘мгновение’ с хет. *tehur* ‘время’ (S. 282; хеттское слово дано не вполне точно), по-видимому, основано на недоразумении и не учитывает, что *tehur* родственно др.-инд. *ta-*, и.-е. **mē-* ‘мерить’ (см. о последнем S. 273–274, а также Pokorný I, 703–704).

Известное противоречие просматривается в трактовке рефлексов слав. **nagl-*. Для чеш. *náhle*, польск. *nagle* ‘вдруг’ принимается сравнение В. Махека с лтш. *nagiōt* ‘спешить’ (S. 308); а для ст.-слав. *нагло* ‘вдруг’ (кстати, отсутствующего в перечне синонимов для ‘вдруг’, см. S. 302–305) – старое сближение с гор. *anaks* ‘внезапный, быстрый’ (S. 382) и др. Позднейшие толкования **nagl-*, в том числе показательная в семантико-типологическом плане этимологизация из **nag-n-* (: **nagъ* ‘нагой’)¹⁵ при этом не учитывается. При рассмотрении **nagl-*, как и в ряде других случаев, ССО ограничивается данными немецкого оригинала слова я. М. Фасмера (*Vasmeg*), проходя мимо дополнений, содержащихся в русском переводе (Фасмер). Они не были приняты во внимание в случае с рус. *напрасный*, для которого ССО без должных оснований поддерживает оставленное уже М. Фасмером сближение с др.-инд. *prasabham* ‘насильно, вдруг, быстро’ (S. 309; ср. Фасмер II, 43).

Данные ЭССЯ (14, 48–49) обнаруживают в ССО лакуны в перечне синонимов для ‘начинать’, где дается словен. *lotiti se, lotévati se* (S. 317), но упускаются *látati se, lâčati se* ‘браться, приниматься (за что-либо)’, с.-хорв. *látiti (se)* ‘то же’. В ‘Kommentarteil’ ССО будет полезно учесть и предлагаемую в ЭССЯ (там же) этимологическую интерпретацию указанных фактов. В статье ‘начинать’ можно отметить и другие недостатки, например, отсутствие лит. *ž-nikti* ‘приняться, взяться (за что-либо); увлечься’ и непоследовательность в подаче славянских соответствий этого слова (Фасмер III, 74–75): приводятся чеш. *vzniknouti*, словац. *vzniknúti*, рус. *возникнуть* (S. 318–319), но нет употребляющихся в значении ‘возникнуть, появиться’ (пусть переносно) с.-хорв. *izniknuti*, болг. *изникна*, макед. *возникне* и др. (ср. отчасти и соответствующие бесприставочные образования). В перечне синонимов есть рус. *братьсяся*, укр. *взйти* (S. 135), но нет рус. *взяться*, укр. *взйтися*. Опечатка, проникающая в др.-рус. *начинатися*, привела к появлению несуществующего *начатинатися* (S. 319).

Серьезные пропуски обнаруживаются в статье ‘утро’, где в перечне синонимов представлены ст.-слав. *пробрѣзгъ* и польск. *brzask* ‘рассвет’ (S. 430–431), но отсутствуют словен. *brësk*, словац. (редк.) *bresk*, ц.-слав. *бръзгъ*, др.-рус. *брѣзгъ*, рус. диал. *брез* ‘рассвет, наступление утра’ (ЭССЯ 3, 17, 19). В той же статье в списке синонимов фигурируют макед. *зорা*, словен. *zgora*, др.-рус. *заря* и с.-хорв. *здра*, но упущены другие рефлексы слав. **zar'a*, **zor'a* в значении ‘заря, зарево’, а также лит. *žarà* ‘заря’, которые, однако, упоминаются в разделе “Allgemeines” (S. 432, ср. Фасмер, §. v. *заря*). При этом утерян из виду существенный момент амбивалентности “зари”, которая может быть не только утренней, но и вечерней (*Morgen-röte: Abend-röte* и т.п.), ср. отсутствие соответствующих фактов в статье ‘вечер’. Статья ‘утро’ была бы значительно полнее при учете осуществленного Т.В. Горячевой анализа славянских и других обозначенений понятия ‘рассветать’, в частности, славянских параллелей затрагиваемой в ССО (S. 432) латино-романской семантической модели ‘рассвет, рассветать’ < ‘белый, белеть’: лат. *albēō* ‘белеть, рассветать’, итал. *alba*, франц. *aube* ‘рассвет’, рус. диал. *бель-та* ‘то же’, *дobelá* ‘на рассвете’, бело ‘рассвет’, болг. *разбѣла се* ‘светает’¹⁶ (см. еще ЭССЯ 2, 79). Мы добавили бы сюда так же п.-монг. *čai-*, монг. *цай-*, бурят. *сай-* ‘белеть, бледнеть, светать’¹⁷. К разбору в ССО фактов типа нем. *es tagt* ‘светает’, рус. *деньком* ‘ранним утром’ следует добавить рус. диал. *днеть, дниться, днити, днити, днечь* ‘рассветать’. Показательно, что для балт. **deinā* (> лит. *dienā*, лтш. *dienā* ‘день’) реконструируется исходное значение ‘утро и весь день’¹⁸. Для лит. *rýtas*, лтш. *rítis* ‘утро’ ССО устанавливает приемлемое, в принципе исходное значение ‘появление света’ (S. 429), но не учитывает, что лтш. *rietēt* (собственно, *riētēt*) известно не только в значении ‘показываться (о рассвете, заре)’, но и в значении ‘катиться’ (о слезах); катить, валить; опускаться (о солнце)’ и др.¹⁹ При этом теряется из виду существование балт. **reit-* (лтш. *rietēt*, а также лит. *rietēti* ‘катиться; выпукляться, родиться – о цыпленке’, лтш. *rietumi* ‘запад’, лит. *rytaēt* ‘восток’ и проч.) и его параллелизм со слав. **kat-*, **kot-* ‘катиться’ (ср. рус. *закат солнца* и т.п.)²⁰.

Простую констатацию существования сложных топонимов, включающих в качестве первого члена морфему со значением 'новый' (S. 367) или 'старый' (S. 410), хотелось бы видеть дополненной сведениями о соотношении 'нового' и 'старого' в топонимии (ср. пары *Welt* : *Neuwelt* : *Alte Welt* или *New York* : *York*), а также этнонимии²¹. Эти сведения, несомненно, существенно дополнили бы интересное обсуждение контроверзы 'нового' и 'старого' в культурологическом плане (S. 368–369 остались наполовину свободными от текста).

Вызывает недоумение содержащееся в статье 'вчера' указание на некий "предложный элемент *v / u*" в балто-славянских фактах типа рус. *вечер*, *вчера* (S. 395). И.-е.* *cekero-* и близкое **cespero-* упоминаются в статье *вечер*, где речь о предложном элементе уже не идет, но утверждается, что индоевропеистика усматривает родство между этими словами и "герм. *West*, а также др.-инд. *avas, ava* 'вниз'" (S. 444, без ссылки к S. 395, см. выше). Это утверждение не могут спасти и полезные типологические параллели (S. 444).

Словац. *nastávajúci*, фигурирующее в числе синонимов для обозначения 'будущего' (S. 412), в современном узусе представляют собой лексикализованное активное причастие (от *nastáva*" 'наступать') в значении 'жених', ср. чеш. *nastávájící* 'предстоящий, будущий', (разг.) *nastávající* 'будущий муж'. Известным возражением против утверждения (S. 444) об отсутствии семантико-типологических параллелей у н.-греч. ἀυκόφως 'сумерки' (= 'волчий свет') может служить франц. *entre chien et loup* 'в сумерки' (ср. у Пушкина в "Евгении Онегине": "пора же волка и собаки").

Объясняя в статье 'ночь' рус. диал. *невозглас*, *нёволос*, *нёволось* 'время после полуночи' (S. 448) было бы полезно принять во внимание такие факты, отсутствующие в перечне синонимов, как рус. глухая ночь, диал. глупая ночь, укр. глупа ніч, північ 'глубокая ночь', бир. диал. глушь, самая глупас 'полночь' (ЭССЯ, б, 146–154). Упоминаемое в той же статье рус. диал. ночь 'запад, север', конечно, напрашивается на сравнение с рус. (уст., поэт.) полночь 'север', полдень 'юг' и аналогичными фактами в других славянских языках. В перечне греческих синонимов для обозначений 'ночи' (S. 447) обращает на себя внимание отсутствие интересного 'αμολύβης (νυκτός) 'мрак (ночи)'. Напротив, лит. *sutemā* 'сумерки' (S. 446), а также с.-хорв. *sumrāk* словен. *mrák* то же следовало бы, вероятно, перенести в статью 'вечер' (впрочем, названные южнославянские факты в ней присутствуют, см. S. 443).

Более чем спорно включение в один ряд с лит. *dēgti* 'гореть', др.-инд. *ni-daghā* 'жара, лето' (S. 455, с опечаткой: *ni-dēgha*) и другими рефлексами и.-е.* *dheg^h-* 'жечь', готского *dagr* 'слезы', восходящего к и.-е.* *dak^h-ru*. Вызывает возражение определение *-n-* в др.-инд. *dīna*, слав. **dīnъ*, лит. *diend* как "носового инфикс" (там же). Связывая эти названия дня с и.-е.* *de i* -/**di*-, правильнее видеть в *-n-* суффиксальное расширение данного корня, что обычно и делается (ЭССЯ 5, 213).

В справках ССО о славянских "корнях" **vṛ̥ch-* (S. 343) и **krat-* (S. 345–346 – о рус. диал. *о-коротить* и проч.), по существу правильных, этим морфемам без видимых оснований придан несколько странный, в последнем случае как бы "старославянский" вид (почему не **vṛ̥r̥ch-*²², **kort-?*). То же касается и слав. **rasti* (почему не **orsti*?), сближаемого одновременно с алб. *ritem* 'расту' и др.-инд. *rdh-* 'процветать' (S. 359; ССО дает [неточно]:

-r- вместо *-r̥-*] др.-инд. *rdhñāti*, но от указанного корня известны лишь презенсы *rdhāti*, *rdhyati*, *rdhnōti*). Однако для *rdh-* наиболее вероятна связь с греч. αλθομαι 'расту' и др. (Фасмер III, 446; Mayrhofer I, 124). Искажает историческую перспективу указание, согласно которому "слав. *préžde*" – компаратив к *péred* (S. 391); правильнее было бы говорить о соотношении слав. **perd̥tъ*: **perdje*, ср. ст.-слав. *prědъ*: *prěžde*, рус. *непрежде* (диал.) *переже* (рус. *прежде* < ц.-слав.). Еще более некорректно говорить, подменяя общее или праславянскую форму русской, о слав. **idti* как соответствия лит. *ēl ti* 'идти' (S. 388, 414), ср. праслав. **jydq, iti* (ЭССЯ 8, 247–248). Неточна передача др.-рус. *задньши*, *передньши* в виде *zadniji*, *peredniji* (S. 389, ср. S. 415, где даются уже *prednъjь*, *zadnъjь* – непоследовательности и

неточности такого рода при транслитерации кириллицы латиницей встречаются и в других случаях).

Приходится сожалением констатировать, что в рецензируемых выпусках ССО, помимо ряда недостаточно достоверных или неточных реконструкций и интерпретаций (их перечень мог бы быть расширен), содержится немало опечаток и других погрешностей при простом цитировании языковых фактов, в библиографических ссылках и т.п. Ср. еще несколько примеров в дополнение к уже упомянутым или приведенным выше: венг. *tizendik* (S. 219, надо: *tizedik*), лтш. *divdesimt* (S. 232, надо: *divdesmit*), др.-инд. *daša-śate-nayana* (S. 241, надо: *daša-śata-nayana*), польск. Warzawa (S. 253, надо: Warszawa), Coronimas, имя исследователя (S. 253, надо: Corominas), чеш. českého, slovenského (S. 254, надо: českého, slovenského – в названии этимологического словаря В. Махека, которое, вопреки ССО, во втором и третьем издании выглядит несколько иначе, чем в первом, ср. Machek¹, Machek^{2,3}), др.-инд. *īr-*

(S. 327, надо: *īr-*), франц. *dentes* (S. 300, надо: *dents*), лит. *siuð* (S. 352, надо: *šiuð*), лтш.

šašdienas-, šdienas- (S. 372, надо: *šašdienas, šdienas*), лит. *iš greituju, ant greituju* (S. 378, всюду вместо *-i-* надо *-u-*), ст.-слав. въ тъ часъ (S. 379, надо: въ тъ часъ), блр. *дауні, даунейшы, стараўні* (S. 404, всюду надо - *ū* - вместо *-y-*), герц. *Itíkη* (S. 410, надо: *Itíkη*), лтш. *leiks* (S. 436, надо: *laiks*), ст.-слав. *vrěme* (S. 438, надо: *vrěmę*) и т.д. Мы не говорим уже о многочисленных неточностях в расстановке долгот и ударений, главным образом, в литовских и сербохорватских словах. Добавим к этому, что, приводя те или иные факты, ССО, как правило, не указывает источник, откуда они взяты, и это затрудняет их проверку.

Подчеркнем еще раз в заключение, что для успешного решения своих задач ССО нуждается в значительном повышении уровня лингвистической строгости/точности.

A.E. Аниkin

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Аниkin A.E. Рец. на кн.: Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 1/2, 3/4. Heidelberg, 1979–1981 // Этимология 1982. М., 1985, 173–176.

²Иванов Вяч.Вс., Гамкелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984, 840–855, см. также: Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира. Т. II. М., 1988, 629–631.

³Гаврилов А.К. Древнегреческая лексика как объект идеографического описания // Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период. Л., 1986, 15–17 (с весьма высокой общей оценкой двух первых выпусков ССО).

⁴ССО оперирует **sequ-*, где не очень корректное *qu* вместо *q⁴(k⁴)* как и в ряде аналогичных случаев, вероятно, диктуется техническими соображениями (ср. S. 186, 415, 455 и др.).

⁵Nehring A. Idg. "sechs" // Die Sprache, 8, 1962, 129–131; ср. еще: Szemerényi O. Studies in the I.-E. system of numerals. Heidelberg, 1960, 79.

⁶Топоров В.Н. К семантике четверичности (анатолийское **meu-* и др.) // Этимология 1981. М., 1983, 127.

⁷Иллич-Свityч В.М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкоznания. М., 1964, 7.

⁸Барроу Т. Санскрит. М., 1976, 244.

⁹Климов Г.А. Картвельское **otxo* 'четыре' ~ индоевропейское **ok'to-* // Этимология 1975. М., 1977, 162–163; Он же. Дополнение к заметке "Картвельское **otxo* 'четыре' ~ индоевропейское **ok'to-* // Этимология 1981. М., 1983, 157–158.

¹⁰Иванов Вяч.Вс. К типологии числительных первого десятка в языках Евразии // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977, 39; Jensen H. Die indo-europäischen Zahlwörter 10, 100, 1000 // Zeitschrift für Phonetik 1/2, 1952, 50–57.

¹¹Сравнительная грамматика германских языков. III. Морфология. М., 1963, 372.

- ¹²*Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980, 240; ср. еще: *Stang Ch.S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen.* Oslo; Bergen; Trömsö, 1966, 59.
- ¹³*Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979, 291.
- ¹⁴*Хелимский Е.А.* Происхождение древнетюркского чередования и дилемма "ротацизма-зетацизма" // Советская тюркология, 2, 1986, 46.
- ¹⁵*Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 173–176.
- ¹⁶*Горячева Т.В.* Этимологические заметки (*молонить, закрина, перевять, сертуха, *sivati, лиять*) // Этимология 1981. М., 1983, 68–70.
- ¹⁷Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II, Л., 1977, 382.
- ¹⁸*Maijulis V.* Prūsq kalbos etimologijos žodynai. I. A–H. Vilnius, 1988, 188.
- ¹⁹*Karaliūnas S.* Baltų kalbų struktūrų bendrybės ir jų kilmė. Vilnius, 1988, 132, 155.
- ²⁰*Топоров В.Н.* К семье анатолийск. *kat(a)*, др.-греч. *κατά* // Этимология 1971. М., 1973, 292.
- ²¹*Trubačev O.N.* Ein Fall der Typologie: das Problem der ‘Alten Arier’ und die arische Trennung // Festschrift for O. Szemerényi on the Occasion of his 65th Birthday, ed. by B. Broganyi. Amsterdam, 1979, 903–908.
- ²²Для обозначения слов. *x* ССО использует диграф *ch*.